

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.73

G44

Oc

The person charging this material is responsible for its return on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

University of Illinois Library

SEP 10 1970

OCT 13 1970

MAY 14 1999

L161— O-1096

ЧОРТОВА КУКЛА

明 弘治 丁丑 年 秋 月 日

Московское книгоиздательство.

З. ГИППИУСЪ.

ЧОРТОВА КУКЛА.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВЪ 33-ХЪ ГЛАВАХЪ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.

МОСКВА.
Т-во Типо-Литографіи И. М. Машистова, Б. Садовая, соб. домъ.
1911.

891.73

G 44

Ос

Читателямъ.

Книга должна говорить сама за себя. Если не говорить—какое поможетъ предисловіе? И я не предисловіе пишу, но скорѣе послѣсловіе, обращаюсь къ тѣмъ изъ моихъ далекихъ читателей, которые читаютъ романъ, думая, что это „романъ о революціи“. И спрашиваютъ: можно ли говорить намеками, говорить о настоящемъ и предчувственномъ, едва касаясь прошлаго,—отодвигать главную тему на второй планъ? Нѣтъ, конечно, нельзя... если романъ—дѣйствительно „романъ о революціи“. Но такъ ли это?

Вина ложится на автора, на несовершенство книги, когда читающимъ ее кажется, что она о томъ написана, о чемъ не написана. Поэтому и нужны мнѣ эти объяснительныя слова.

Моя книга — вовсе не книга о революціи, но — о реакціи. Обнажить вѣчные, глубокіе корни реакціи,—вѣчные, хотя эта реакціонность, косность, проявляясь во времени, надѣваетъ на себя соотвѣтственныя времени одежды,—такова

была моя задача, на нее направлено было все мое вниманіе. И хотѣлось мнѣ собрать, сосредоточить черты душевной мертвости, вѣчно тянущей внизъ,—въ одномъ человѣкѣ, сдѣлавъ его сознательнымъ, т.-е. утверждающимъ и оправдывающимъ (насколько это возможно) свое міросозерцаніе. Силы противоположныя, живыя, взяты лишь какъ необходимый фонъ для героя; современный герой „небытія“ долженъ соприкасаться съ современнымъ же „бытіемъ“.

Отдѣльныя черты этой вѣчной, страшной косности есть почти во всякомъ изъ насъ, теперешнихъ; таятся порою глубоко, подъ сознаніемъ; но и оттуда, изъ глубинъ, поднимается отравленный воздухъ. Не будь въ насъ этой заразы, не было бы и вокругъ насъ того, что есть.

„Во что я вѣрю?“—смыется чуть не каждое письмо изъ тысячи, полученныхъ въ отвѣтъ на попытку произвести идейную и религіозную анкету среди нашихъ современниковъ. „Во что я вѣрю? Вѣрю въ розовенькія щечки, въ дѣвичью грудь, въ молодость и жизнь, пока живется... Мысль о смерти—это болѣзнь, хотя и разныя бываютъ настроенія. А милымъ фантазерамъ-идеалистамъ ~~я~~ я просто пожалъ бы руку и попилъ бы съ ними чайку, при случаѣ“...

Конечно, не герой мой писалъ эти слова; но не безъ него, однако, они написаны.

Сводка отдельных душевных чертъ къ единой личности—быть можетъ, искусственна; герой небытія, возможно, не удался мнѣ; но это уже вопросъ иной, и не мнѣ его касаться. Хочу прибавить только, что, по моему глубокому убѣжденію, сила косности, себя утверждающая и крѣпкая,—достойна вниманія, изслѣдованія и серьезной борьбы съ нею—въ мѣру умнѣнья каждаго. Сила эта тѣмъ страшнѣе, что она вездѣсуща и непримѣтна, обволакивающая и соблазнительна.

А чтобы писать „о революціи“—нужны особія, иныя, знанія, на которыя я не притязую; я могу и хочу подходить къ данному революціи лишь „отъ противнаго“. Таковъ будетъ и второй мой романъ (непосредственно связанный съ „Чортовой куклой“) — „Очарованія истины“, гдѣ герой небытія, одѣтый въ другія, гораздо болѣе соблазнительныя одежды, столкнется въ дѣлахъ своихъ съ тѣмъ зерномъ подлиннаго и совершеннаго бытія, которое уже возрастаетъ нынѣ изъ стихій революціи.

З. Гиппіусъ.

Апрѣль—1911.

ЧОРТОВА КУКЛА.

1

П Е Р В А Я.

Юруля.

Они чуть не столкнулись—оба шли такъ быстро.

Подняли другъ на друга глаза. Дѣвушка, одѣтая скромно, даже бѣдно, первая заговорила:

— Здравствуйте. Вы ли?

— Наташа! Я бы и не узналъ. Ну, да вѣдь такъ давно не видались.

— Давно... правда... Вы—точно вчера это было. Точно вамъ семнадцать лѣтъ.

— Тѣмъ лучше. А мнѣ вѣдь ужъ за двадцать. Вы здѣсь живете, въ Парижѣ?

Наташа послѣ перваго движенія какъ будто раскаялась, что окликнула его. Сказала неопредѣленно:

— Да... Вотъ и встрѣтились... Можетъ еще встрѣтимся, Двоекуровъ. А теперь я...

— Хотите проститься? Какъ хотите. Я не сталъ бы искать васъ, Наташа, говорю по правдѣ. Но ужъ встрѣтились, такъ поболтаемъ. Я забылъ и васъ, и Михаила, и другихъ, и себя немножко, какой я былъ тогда съ вами. Просто забылъ, не думалъ, о своемъ сегодняшнемъ думалъ. А вотъ случайность—встрѣтилъ васъ, и съ удовольствіемъ вспоминаю. Зачѣмъ же отталкивать пріятную случайность?